

© 2023 г.

В.Ф. ЛЕВИЧЕВА, С.Л. ДИМАНС

НЕФОРМАЛЬНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ: ПОИСК МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЛЕВИЧЕВА Валентина Федоровна – доктор философских наук, профессор, руководитель научных проектов АНО Институт «Справедливый мир» (levvf@mail.ru); ДИМАНС Сергей Леонидович – кандидат экономических наук, доцент Московской государственной академии физической культуры (dimsl51@mail.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. Цель статьи – обсудить и предложить подходы к решению методологических проблем, возникающих при изучении фундаментальных общественных отношений, закреплённых в социальных институтах и неформальных практиках. Авторы представляют концепцию, в основе которой лежит тезис о неформальных взаимодействиях как онтологически относительно самостоятельном феномене. Неформальные практики выступают общественным и общецивилизационным ресурсом, определяющим не только жизнеспособность социума, но и его конкурентоспособность в глобальном мире. Именно совокупность массовых неформальных социальных коммуникаций за пределами правовых институциональных рамок позволяет понять, что представляет собой конкретное общество. В статье рассматриваются реальные ситуации противоречивого взаимодействия институтов и неформальных практик в российском обществе. При анализе источников неформальных практик авторы выделяют инверсивную, адаптивную и конструктивную неформальность как системно упорядоченные коммуникации, возникающие за пределами институционального пространства. Подобная концептуализация расширяет возможности понимания конкретных кейсов в социально-экономической и общественно-политической жизни российского общества, давая основания для их инструментального эмпирического исследования.

Ключевые слова: методология • социальный институт • неформальность • неформальные практики • социальные коммуникации • нормы • сообщества

DOI: 10.31857/S013216250028536-2

В статье предпринята попытка рассмотреть феномен неформальных социальных связей как некую целостность, своего рода «клей», скрепляющий всё общество и обеспечивающий жизнедеятельность людей при самых разных обстоятельствах. В этом смысле неформальность органически связана с институциональностью, существует до, внутри и вне социальных институтов.

Онтологический статус неформальных взаимодействий. Научная традиция рассматривает социальные институты через дихотомию «формальное/неформальное». Так, многие современные исследователи придерживаются подхода Г. Хелмке и С. Левитски, определяющих «неформальные институты» как принятые в обществе обычно не писанные правила, которые создаются, становятся известными и насаждаются вне официально санкционированных каналов [Хелмке, Левитски, 2007: 187–211].

В отличие от подобных подходов мы считаем, что рассматривать «неформальность» как совокупность институтов непродуктивно: это размывает само понятие «институт»¹. Неформальные общественные практики – устойчивые групповые поведенческие паттерны, выходящие за рамки правовых норм или этими нормами не предусмотренные. Их нормативность возникает не здесь и не сейчас, она по отношению к «формальному» (институциональному) находится как бы в другом измерении. Дихотомия «формальное/неформальное» – это попытка подогнать под общее определение две разные сущности.

Другими словами, мы не склонны, как многие исследователи, привязывать неформальные социальные взаимодействия к тому или иному состоянию формальных институтов. На наш взгляд, *неформальные практики фундаментальны, это – относительно самостоятельный и самодостаточный компонент общественного устройства, функционально обеспечивающий социальные взаимодействия (жизнедеятельность индивидов)*. Это не означает, что неформальность «отвязана» от институциональных структур и существует сама по себе. Просто её надо изучать *как онтологически относительно независимый феномен*. Сошлемся на Ф. фон Хайека, который считал, что в обществе существуют порядки, которые не проектируются людьми, но являются результатом их действия без осознанного намерения создать именно этот порядок, и что чем более сложен порядок, тем более значимы эти стихийные порядки [Хайек, 2006: 54–56].

Общество диктует образцы поведения не только осознано, создавая законы, но и «стихийно» – неформальными алгоритмами, которые не прописаны заранее, но также задают стереотипы, шаблоны, моральные и нравственные постулаты повседневного поведения. Поэтому мы не используем понятие «неформальный институт». С нашей точки зрения, существуют «формальные институты» и «неформальные практики».

Нас интересует влияние на динамику социума взаимодействий его элементов именно на неформальном уровне когерентности, кооперации, координации, самоорганизации и саморазвития, которые (в отличие от формального институционального уровня) не проходят осознанный предварительный отбор. Для объяснения процессов, происходящих в обществе, эти параметры не менее существенны, чем институты. Они также уменьшают неопределенность, организуют взаимоотношения людей, структурируют их повседневную жизнь.

Существует целый класс социальных явлений, которые невозможно описать с помощью дихотомии «формальное/неформальное». Многие институты (скорее, квазиинституты) имеют переходный характер от «неформального» к «формальному» или наоборот, причем степень нормативной формализации в каждом отдельном случае может быть различной².

Принципиально различается и легитимизация формальной и неформальной деятельности. Первая санкционируется государством, вторая – социумом. Формальный порядок сразу же наделяется онтологическим статусом и легитимностью бытия, а неформальные практики лишь постепенно получают ценностное обоснование и становятся социальным фактом. Чтобы эти практики приобрели общественную значимость и были легитимированы как социальные нормы, требуется время.

¹ Согласно определению Д. Норта, институты – это «правила игры» в обществе. Чтобы уменьшить неопределенность своей жизни, люди обставляют себя большим количеством формальных правовых норм и неформальных правил [Норт, 1997: 17]. Но в этом определении нет категории интереса. На наш взгляд, институты представляют собой условия реализации интересов различных социальных групп путем целенаправленного установления *государством* норм, правил и ограничений, поэтому неформальные практики выходят за их рамки.

² Например, институциональная специфика современного спорта состоит в том, что большая часть его норм и правил представляет собой так называемое «мягкое» право: нормативные акты – это, по сути, регламенты локального уровня, принимаемые внутри спортивных организаций, хотя в каждой стране существует свое спортивное законодательство. Говорить об этих регламентах как о неписаных (неформальных) правилах нельзя.

В каждом конкретном случае формальное – это «шкаф с законами», в то время как жизнь за рамками правовых норм ограничена лишь здравым смыслом. Она существует повсеместно – начиная от множественной повседневности в социальных группах разного уровня и заканчивая «порядком» мирового масштаба и значения. Разнообразие повседневных практик даже в едином культурном пространстве вообще не имеет пределов. Вогнать это разнообразие в жесткие рамки социальных институтов невозможно. Миссия институтов – лишь привести существующее разнообразие к некоему общему знаменателю (правовому порядку, режиму).

Есть еще одно обстоятельство. Оценки «формальное/неформальное» во многом зависят от позиции исследователя (наблюдателя). Формальные и неформальные пласты социальной реальности существуют как бы в разных плоскостях, и позиция на «другой плоскости» неизбежно рассматривается как «негативное отклонение». Как только «наблюдатель» становится на институциональные основания, неформальное видится ему в деструктивном свете, оно превращается в «теневые практики», «коррупцию», «местничество», «клиентелизм» и т.п., то есть в «негативные явления в обществе», с которыми необходимо бороться. Принятие же «неформальной позиции» часто приводит к радикальной критике институциональной структуры, которую «наблюдатель» стремится привести в соответствие с «реальными социальными практиками». Распространяется аргументация в пользу замены одних институтов другими, якобы лучше соответствующими тому, что есть «на самом деле». Попытка третьейского исследователя встать «над схваткой» чревата противоречиями не в меньшей степени.

Как правило, наблюдатель склонен соотносить причины поведения «других» с внутренними факторами (например, со склонностью к девиации и корысти), в то время как «другие» могут считать свое поведение вынужденным из-за наличия внешних факторов, которые находятся вне их контроля. Акторы неформальных трансакций считают свои практики положительными, тогда как с институциональных позиций это может быть прямое, если не вопиющее, нарушение закона или установленных правил.

Включать неформальные практики в общий институциональный дизайн социума невозможно и по той причине, что эти практики, в отличие от институциональных, почти не зависят от идеологической и политической конъюнктуры и часто проявляются как «нечто», чего в официальной картине мира вообще быть не должно. Государство смотрит на происходящее в социуме как бы со стороны. Это также разводит «формальное» и «неформальное» по разным плоскостям.

Вот почему прогноз будущего того или иного общества на основе анализа состояния его институциональности дает весьма сомнительные результаты. В то же время понимание его неформальных практик открывает возможности не только изучения его аутентичности, но и практического продуктивного взаимодействия между представителями разных сообществ (государств, корпораций, социальных групп).

Подобная ситуация отчетливо проявляется, когда необходимо найти эффективные каналы партнерского сотрудничества между разными странами. Предприниматели всегда остро нуждаются в информации о том, «как у них это делается», какие тонкости предварительных условий общения (ведения переговоров) нужно соблюдать, чтобы заключать и выполнять контракты. Подобные сведения обычно концентрируются в страноведении, которое систематизирует комплексную информацию об отдельных странах и их обычаях, отвечая практическим запросам бизнесменов, политиков, дипломатов, туристов и др. Социология, являясь наукой об обществе, пока, к сожалению, здесь мало чем может помочь. Обращаясь лишь к анализу «видимых» институциональных структур, социологи стремятся объяснить именно на этом фундаментальном основании социальную реальность и предложить координаты управленческих решений назревших социальных проблем. Это касается как «своего» общества, так и «иного». Причем в подавляющем большинстве случаев подобные умозрительные объяснения и рекомендации далеки от

реальной жизни и не срабатывают. Именно поэтому то, что «должно было бы быть», никогда не совпадает с тем, что «есть на самом деле»³.

Неформальные практики – источник разнообразия обществ и ресурс развития. Принципиально важным для понимания перспектив исследования «неформальности» является замечание Дж. Урри, что сложные системы с большим количеством непреднамеренных последствий социальных действий не имеют общего и единого вектора развития [Urry, 2003: 14]. Изучать такую систему лишь на основе анализа нормативно организованных и контролируемых процессов невозможно. Только при исследовании неформальных практик и взаимодействий можно обнаружить множественные формы инаковости и отличий, несхожесть субъектности и разнообразие групповых интересов.

В настоящее время для выяснения того, каким будет облик мирового сообщества в будущем, предложены многочисленные модели. Многие аналитики сходятся в том, что грядет тотальное объединение государств по региональной принадлежности с общей институциональной надстройкой. При этом совершенно упускается из виду, что «надстройка», основанная на общем институциональном режиме, неспособна отразить всё разнообразие неформальных «дичков» отдельных территорий. Решающими могут оказаться сугубо традиционные факторы, ценности и смыслы местных общин, личная и групповая привязанность к месту, образ жизни и т.д. Причем чувствительность политических процессов к неформальным факторам постоянно возрастает⁴.

Разновекторность развития проявляется и на локальном уровне в процессе организационной интеграции. Как отмечает В.В. Щербина, превалирует многовекторная, ситуационная модель организационного развития, описывающая организацию как сложную, избирательно (или частично) открытую, искусственную, гетерогенную систему, части которой функционируют и развиваются по разным принципам под воздействием различных факторов (как внешних, так и внутренних) через адаптивные механизмы. Фактически речь идет об отсутствии организационной целостности в связи с невозможностью создать единую организационную стратегию и единую организационную культуру. Тут прослеживается та же логика многовекторной социальной трансформации, что и в глобальных системах [Щербина, 2015].

Важно отметить, что не только качество институтов, но и алгоритмы неформальных взаимодействий определяют конкурентоспособность социума в глобальном мире. В этом смысле неформальные практики можно считать общественным и общецивилизационным ресурсом, дающим возможность при необходимости быстро решать накопившиеся проблемы при помощи персональных контактов. Подобных примеров множество, в том числе в межгосударственных отношениях. С другой стороны, снижение объема неформальных взаимодействий в обществе приводит к потере механизмов эффективного обмена информацией, к проблемам при передаче поколенческого и личного опыта, к снижению взаимного доверия и т.д. Это лишает социум той коммуникативной сложности, которая является залогом не только его стабильности, но и способности к выживанию.

Вместе с тем «неформальный ресурс» достаточно противоречив. Социальные практики (особенно те, которые основаны на культурных традициях) могут не поощрять, а ограничивать возможность альтернатив развития, препятствовать поискам других, более эффективных, способов социальной адаптации различных сообществ. Существуют образцы

³ Из-за разворота России на Восток одной из самых актуальных тем обсуждения в наших экономических кругах стала бизнес-культура Китая. Она оказалась крайне сложной, с огромным количеством подводных камней и недосказанностей. В частности, китайцы зачастую ценят неформальные отношения выше формально-институциональных и ведут дела только с теми людьми, которым безоговорочно доверяют.

⁴ Так, Евросоюз быстро справился с созданием наднациональных институтов, но застрял на стадии сокращения исторически сложившихся культурных дистанций, что отразилось в концепции «Европы регионов». Все прогнозы успешного развития европейской интеграции после введения евро фактически провалены, причем по причинам, которые куда ближе к неформальным основаниям, чем к институтам (миграция, иждивенчество аутсайдеров, культурные и семейные коммуникативные стереотипы и т.д.).

неформальных отношений, которые вообще не имеют положительных оснований. Они порождаются конкурентной борьбой за ограниченные ресурсы общества. Отсюда наряду с явными появляются латентные неформальные коммуникации, которые в экономике называют «теневыми». Они сконцентрированы преимущественно в области персональных взаимодействий, за счет чего уклоняются от регулирующего воздействия государства и извлекают выгоду из противоречий институционального регулирования [Барсукова, 2017]. В то же время распространение неформальных практик за пределы некоей меры не может считаться переходом от порядка к анархии хотя бы потому, что эту меру не удается рационально определить.

Неформальные практики vs формальные институты. Экономистами, как правило, возникновение неформальных трансакций рассматривается как естественная реакция общества на неэффективную государственную экономическую политику. Политологи, говоря о неформальном поведении в пределах политических институтов, ссылаются на неразвитость или недостатки демократических процедур. Социологи рассматривают неформальные практики с позиций социального контроля [Бурдые, 2001; Бауман, 2005]. Фактически во всех подходах речь идет о *запасной стратегии*, когда формальные институты существуют «на бумаге», но неэффективны на практике, или когда органы государственной власти стремятся направить деятельность индивидов и сообществ в нормативное русло, но те, кто преследует частные или групповые интересы, ищут и находят пути обхода установленных норм⁵.

Чем сложнее и разнообразнее нормативная система институтов, тем меньше простора для «неформального творчества». Но институциональные ограничения – лишь один из элементов социального пространства, дающих или не дающих неформальным практикам уют в «свободном плавании».

Считать источником «неформального» институциональную недостаточность или институциональное неблагополучие в корне неверно. Это особенно очевидно, если рассматривать взаимодействия в социуме в период трудных времен. Неформальные практики действительно заполняют лакуны отсутствующих норм, правил и ограничений. Но подлинный источник этих практик находится за пределами институциональных конструкций, в другой плоскости общественного устройства. И в более благоприятные периоды наличие неформальных возможностей позволяет человеку или группе людей гораздо быстрее принимать решения, адаптироваться к возникающим ситуациям, в частности к прилету «черных лебедей», перед которыми институты часто бессильны. Так называемый «институциональный диссонанс» (конфликт, возникающий при столкновении противоречащих друг другу институтов и неформальных практик) далеко не всегда разрешается в пользу первых. Если нормативные решения настоящего не соответствуют опыту прошлого, возникает не просто «диссонанс», разрушается весь институциональный каркас общества. Это происходит и в том случае, когда избыточная институционализация не оставляет места повседневному опыту.

Стандартизированный институциональный ответ делает поведение людей предсказуемым, контролируемым и управляемым. Однако это неизбежно выхолащивает из социальных практик культурные смыслы и эмоционально окрашенные взаимодействия: личные отношения сводятся к безличностным, деперсонифицированным. В этом смысле институты приобретают своего рода репрессивный характер. К счастью, потеря части активных элементов социального пространства в результате жесткой регламентации никогда не является абсолютной, поскольку с неизбежностью воспроизводятся новые разнообразные неформальные коммуникации. Именно совокупность массовых неформальных

---

⁵ Например, недавно на поле государственного контроля и налогообложения вступили блогеры, которые раньше демонстративно не платили или недоплачивали налоги. Только в 2023 г. блогерами вплотную занялась Федеральная налоговая служба. В результате ажиотаж вокруг блогинга резко сократился, а те, кто в нем остался, стали искать обходные пути. Возникла «классическая» ситуация: институциональность осваивает новые территории, вызывая на ней ответную реакцию неформальных практик.

социальных коммуникаций за пределами правовых институциональных рамок позволяет понять, что представляет собой конкретное общество.

Существует утилитарная точка зрения, что при знании внутреннего ресурса «неформального» можно перенаправить социальную активность людей в более рациональное (институциональное) русло. Это заблуждение! «Неформальность» – тоже своего рода регулярность, но как бы внутри себя. Она может противостоять рациональной упорядоченности институтов, поскольку проверена временем. И почему внешняя институционализация должна быть обязательно более рациональной, чем внутренняя, доставшаяся нам «по наследству» опытным путем?

Поведенческое разнообразие уменьшает подконтрольность общества государству, что, конечно, «нервирует верхи». Жизнедеятельность людей вгоняется в шоры неких параметров оптимизации, поведенческих алгоритмов, отбрасывающих всё «лишнее», хотя именно понимание этого «лишнего», как мы уже отмечали, является важнейшим инструментом объяснения социальной реальности.

Возникает вопрос: как получить достоверную информацию о неформальных коммуникациях, не имеющих универсальной семантики?

Методологические основания исследования неформальности. Методология изучения «неформального» в настоящее время фактически отсутствует. Действительно, прорваться сквозь дебри неписаных правил и реальных поведенческих практик и неформальных взаимодействий крайне сложно. Они плохо наблюдаемы, трудноуловимы и не имеют общепринятого языка обозначений, часто сознательно скрываются. Нередко к тому же неформальные отношения – это своего рода «поведенческий автопилот» на основе коллективного бессознательного (общепринятого). Поэтому исследования институциональных взаимодействий на порядок опережают аналитику социальных практик на неформальном уровне. Есть известные работы, выполненные на историко-этнографическом материале (см., например, [Edgerton, 1985]). Но на материале современного социума анализ неформальности нередко сводится к публицистическим заметкам или, того хуже, к конспирологическим схемам. Ставится под сомнение сама возможность объективного исследования «искусства» быть неподвластным государственным институтам.

М. Вебер полагал, что интерпретация или толкование социального может идти в двух направлениях: одно – ценностная интерпретация, другое – историческое, каузальное (причинное) истолкование. Это полностью относится и к пониманию неформальности. В первом («ценностном») случае «неформальное» вообще не может быть онтологизировано, потому что является продуктом общественного сознания, «привычными смыслами», встроенными в стандартизованное поведение. В то же время «неформальное» представляет собой реально существующий кодекс поведения и столь же реальное социальное давление к его исполнению.

Думается, «неформальность» как социальный феномен необходимо рассматривать как комбинированную двухсоставную реальность: с одной стороны, реальные регулярные практические взаимодействия, с другой – стереотипы общественного сознания, в которых фиксируется «то, что обычно принято», приемлемое, рутинное.

Неформальное поле в целом – это множество разнородных фрагментов. Устойчивость и повторяемость одних его элементов сосуществует с неопределенностью, изменчивостью, непредсказуемостью и многовариантностью других. Когнитивный горизонт не в состоянии охватить все это разнообразие даже в ограниченном пространстве. Причем проблема не только в гносеологических ограничениях, но и в принципиальной несводимости неформального поведенческого разнообразия к какой-либо единой схеме, дающей возможность его классификации.

Типология неформальных практик. Г. Хелмке и С. Левитски выделяют четыре вида, по их терминологии, «неформальных институтов»: дополняющие, замещающие, аккомодационные и конкурентные. Дополняющие институты «заполняют пробелы», которые неизбежно остаются в формальных правилах. Замещающие – стремятся к достижению тех же

результатов, что и формальные институты, однако в силу слабости последних обеспечивают большую эффективность. Аккомодационные – изменяют последствия, предусмотренные формальными правилами, однако прямо не нарушают их. Конкурентные – определяют мотивы поведения так, что последние становятся несовместимы с формальными правилами: чтобы выполнять одни правила, агенты вынуждены нарушать другие [Хелмке, Левитски, 2007]. Эта классификация многими принята, поскольку в её основе – функциональные качества неформальных взаимодействий. Вместе с тем «неформальность» здесь также «накрепко» привязана к формальным правилам, что как бы отодвигает её на второй план.

Нас интересует не «функционал» неформальных практик, а их источники, обеспечивающие онтологическую, бытийную независимость коммуникаций, происходящих за пределами существующего институционального пространства и создающие основания их укрупненной типологии и классификации.

Мы предлагаем выделять инверсивную, адаптивную и конструктивную неформальность.

Инверсивная неформальность. Это – самое массовое проявление социальных взаимодействий в социуме, своего рода поведенческая рутина, которая вписана в социальную ткань общения людей и воспроизводится в любой ситуации социальной коммуникации как константный и простейший (часто архаичный) элемент.

Парадоксальным образом современная социальная реальность с её «неуправляемым возрастанием сложности» порождает не усложнение, а упрощение неформальных социальных практик. Постоянно возникают простейшие шаблоны социальных взаимодействий на групповом уровне, причем с довольно широким распространением. Именно подобный характер неформальных практик присущ таким включениям в современное общество, как субкультуры, экопоселения, религиозные секты, сообщества неоязычников, дауншифтинг, подростковые группировки, многообразные игровые братства и др.

Как утверждает М. Кастельс, в современном непредсказуемо меняющемся мире многие регионы и связанные с ними социальные группы вообще выпадают из глобальных взаимодействий. Он вводит понятие «исключающего развития», обозначая этим стремление людей адаптироваться к сложному социуму через поиск самых «простых» ответов [Кастельс, 1999]. Часто они находят эти ответы в повседневных практиках прошлого или их имитации.

Деструктивные проявления инверсивной неформальности – это не просто асоциальность (криминал, социальная запущенность), а устойчивый вид связанной с опытом прошлого социальной коммуникации, коммуникативной инверсии, которая локализована в ограниченном социальном пространстве.

Субъективные оценки поведенческих стереотипов инверсивных неформальных практик часто подвержены «ошибке выжившего», когда предположения и выводы делаются на основе информации, отражающей лишь определенную сторону события. При этом та часть информации, которая находится за пределами «когнитивного прожектора», не воспринимается. Эта ошибка – самая злокачественная, потому что она невидима.

Адаптивная неформальность. Это – непосредственный ответ неформальными практиками на те или иные события, происходящие в социуме. Она охватывает большие массы людей во всех слоях общества и обладает некоторой инерцией. Адаптивная неформальность испытывает на себе влияние времени и традиционных апробированных форм жизнеустройства, но в ней неизмеримо больше ситуационного социального контекста. Она заполняет институциональные пустоты в периоды аномии («безнормности»), когда привычное социальное поведение, статусы и роли отвергаются в пользу физического выживания. Это не отсутствие формальных нормативных актов, а отношение к ним. В кризисные и переходные периоды влияние установленных в обществе институциональных норм снижается. Однако абсолютной подмены нормативных оснований не происходит, иначе социум погряз бы в хаосе и абсурде.

Адаптивная неформальность порождается в том числе «вселенской» иррациональностью, которую приписывают постмодерну, масштабному переходу от крайностей «порядка» (силового навязывания норм иерархически структурированного общества) к более

свободным формам социальной взаимозависимости и поведения. Это в корне меняет весь социальный пейзаж. Он распадается на отдельные локальные модели коммуникаций, в каждой из которых возникают свои типы неформальных социальных практик, свои наборы поведенческих стереотипов, свои методы маскировки и укрывательства подлинных интересов.

Часто в неформальных адаптивных практиках постмодерна отражается усталость общества от тотальной институциональной дисциплины, жесткой иерархии и рационализма, что приводит к возвращению простых форм социального поведения. Иррациональность постмодернизма можно заметить в неформальных практиках весьма сомнительного толка. Личность, группы, а иногда и всё общество, начинают активно использовать двойные стандарты, ложные нарративы, симулякры, распространяется лицемерие, фигуры умолчания, фейки и т.д.

Иррациональные «симптомы» постмодернизма подробно описаны в различных социальных теориях, но нормативность, лежащая в их основе, еще толком не осмыслена. С одной стороны, постмодерн подвергает традиционные нормативные системы откровенной деструкции, с другой – творит собственный сугубо специфический набор локальных практик. Как пишет Ж. Лиотар, постоянные установления в профессиональных, аффективных, сексуальных, культурных, семейных, международных областях, в политических делах вытесняются локальностью консенсуса во времени и пространстве, временным контрактом [Лиотар, 1998: 157–158]. Система «временных контрактов» за пределами «постоянных установлений» и есть адаптивная неформальность.

Адаптивная неформальность может содержать и откровенную девиацию. Это – коррупция, недобросовестный лоббизм, «двойные стандарты», признание неких сил, не связанных формальными полномочиями, клиентелизм, nepотизм, вымогательство, «откаты» и т.д. Это – «теневая» неформальность, объемы и содержание которой большинством экспертов признаются, однако надо обладать весьма сильной прозорливостью и отвагой, чтобы отследить стоящие за ними причинные основания, тем более – действующих акторов.

Конструктивная неформальность. Значительная часть неформальных практик (в том числе и те, которые существуют на уровне повседневности) при повторяемости, распространенности и на достаточно длинном временном отрезке претендуют на институционализацию. Эти практики, с одной стороны, противостоят старым институтам, а с другой – открывают перспективы институционального обновления. Происходит адаптация институционального замысла к реальным возможностям социума.

Институциональные правила и нормы, поддержанные неформальными взаимодействиями, обеспечивают наиболее высокий уровень своего соблюдения. И напротив, из-за игнорирования неформальной среды они становятся неэффективными. Другими словами, «неформальное» удерживает устойчивые положительные практики в качестве «должного» и готовит почву для полноценного институционального закрепления. Поэтому соответствующие практики мы определяем как «конструктивную неформальность».

Может возникнуть ситуация, когда «институциональное» не успевает за «неформальным». Не все поддается институционализации и не все требует институционализации, даже если это рационально. Здесь вступает в силу один важный принцип: если что-то работает само по себе, то не всегда нужно его формализовывать. Это – очень серьезный предмет исследования, поскольку во многих странах (и Россия не исключение) «законодательный раж» распространяется со скоростью лесного пожара.

Имеет место и обратный процесс. «Неформальное» может быть не только проявлением глубоко укоренившегося культурного наследия, но и продолжением некогда возникших формальных правил, которые существуют или канули в Лету сравнительно недавно. Более того, различные нововведения в мире «формальной нормы» тут же находят отклик в локусе ее антипода – «неформальной нормы». Возникает неформальная оболочка формальных правил. Каждый институт неизбежно порождает свою, только ему присущую неформальность [Диманс, Левичева, 2018].

Всплеск конструктивной неформальности возникает тогда, когда неэффективные институты начинают тиражировать чрезмерно жесткие схемы взаимодействий, предлагая

людям (социально-профессиональным группам, организациям) упрощенные шаблоны достижения целей. Она как бы стучится в «институциональную дверь».

Здесь срабатывает закон необходимого разнообразия. Всякая власть инстинктивно чурается разнообразия, ей удобно иметь дело с однородным обществом и линейными проблемами, упрощающими институциональную среду. Поэтому она пытается свести все разнообразие жизни к простой бюрократической формуле, игнорирующей многообразие жизненных практик, этических, моральных, психологических и ментальных факторов. Когда переменные реальной жизни «заталкиваются» в институциональные постоянные, это неизбежно порождает более или менее конструктивный неформальный ответ.

В данном случае возможно государственное санкционирование неформальных правил – их легализация происходит «от обратного»: что не запрещено, то разрешено. Но это вовсе не означает вседозволенность. Санкционирование неформального должно предусматривать моральное порицание недобросовестных поступков, которое само по себе также имеет неформальный характер.

Часто представители органов государственной власти сами переводят часть администрирования на неформальный уровень, как бы признавая его конструктивность. Возникает своего рода «должная неформальность» – например, настойчиво рекомендуемое чиновникам «живое общение с людьми», личное участие в гражданских акциях, повышенное внимание к многодетным нуждающимся семьям, регулярные консультации с профессиональным сообществом и т.п. Подобные инициативы, как правило, выходят за рамки институционально прописанных административных функций и обязанностей, являясь неформальными. Более того, исполнительская эффективность госслужащего может напрямую зависеть от его прямых персональных связей. Но всё это не делает «неформальное» институтом.

Заключение. Как эмпирически исследовать способы существования «неформального» в современном обществе, его внутреннюю организацию, чтобы добиться более или менее достоверного «слепок» социальной реальности, – этот вопрос остается открытым. Исследователю приходится прибегать к обычным методическим процедурам, позволяющим описать неформальную повседневность, причем эти описания с трудом поддаются верификации. При обобщении можно получить «правдоподобную истину», которая в позитивистском смысле даст более или менее приемлемую онтологию «неформального». Но где границы подобной концептуализации?

Видимо, надо ответить и на более общий вопрос: существуют ли вообще рациональные методы изучения неформального? Любая рациональная основа его исследования в какой-то момент с неизбежностью упирается во внерациональное, требуя особых методов сбора и анализа данных. Но без этих методов невозможно понять социальные процессы, возникающие при отсутствии стандартизированных норм жизни, когда ничего нельзя «подвести» под одно общее основание и, следовательно, теорию.

Возможно, нет и не будет общего полотна социологического знания о том, как происходят социальные взаимодействия в неформальном мире. Но даже отдельные картины неформального социального бытия, изученные достаточно подробно, могут приблизить нас к пониманию того, что представляет собой современное общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсукова С.Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Изд. 2-е. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
- Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 494–505.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

- Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006.
- Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // Прогнозис. 2007. № 10. С. 187–211.
- Щербина В.В. Популяционно-селекционная модель организационного развития: содержание, сфера и перспективы применения (статья 1) // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 78–86.
- Edgerton R.B. *Rules, Exceptions, and Social Order*. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003.

Статья поступила: 30.08.23. Финальная версия: 22.10.23. Принята к публикации: 24.10.23.

INFORMALITY IN SOCIETY: SEARCHING FOR EXPLORATIVE METHODOLOGY

LEVICHEVA V.F.*, DIMANS S.L.**

* *Autonomous non-profit organization to promote the development of civil society institutions "Fair World Institute", Russia*

** *Moscow State Academy of Physical Education, Russia*

Valentina F. LEVICHEVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof. ANPO to promote the development of civil society institutions "Fair World Institute" (levvf@mail.ru); Sergey L. DIMANS, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. Moscow State Academy of Physical Education (dimsl51@mail.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. The main purpose of the article is to discuss and propose a solution to the methodological problems arising in the study of fundamental social relations embedded in social institutions and informal practices. The authors present a concept based on the thesis of informal interactions as a relatively ontologically independent phenomenon in society. It is shown that informal practices act as a public and civilizational resource that determines not only the viability of society, but also its competitiveness in the global world. It is the totality of mass informal social communications outside the existing institutional framework that makes it possible to understand what a particular society is. The article analyzes some real situations of contradictory interaction of institutions and informal practices in Russian society. When analyzing the sources of informal practices, the authors distinguish invasive, adaptive and constructive informality as systematically ordered communications arising outside the institutional space. Such conceptualization expands the possibilities of understanding specific cases in the socio-economic and socio-political life of Russian society and provides grounds for their instrumental empirical research. study.

Keywords: methodology, social institution, informality, informal practices, social communications, norms, communities.

REFERENCES

- Barsukova S.Yu. (2017) *Essay on the informal economy, or 16 shades of gray*. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skij Dom Vy'sshej shkoly e'konomiki. (In Russ.)
- Bauman Z. (2005) *The Individualized Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2001) *Practical Sense*. Saint-Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
- Castells M. (1999) The formation of a society of network structures In: *New post-industrial wave in the West. Anthology*. Ed. by V.L. Inozemtsev. Moscow: Academia: 494–505. (In Russ.)
- Edgerton R.B. (1985) *Rules, Exceptions, and Social Order*. Berkeley: University of California Press.
- Liotard J.-F. (1998) *The state of Postmodernity*. Moscow: Institut e'ksperimental'noj sociologii; Saint-Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
- North D. (1997) *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow: Fond e'konomicheskoy knigi Nachala. (In Russ.)
- Hayek F.A. (2006) *Law, legislation and liberty. A new statement of the liberal principles of justice and political economy*. Moscow: IRISSEN. (In Russ.)
- Helmke G., Levitsky S. (2007) Informal institutions and comparative politics: the main directions of research. *Prognosis*. No. 10: 187–211. (In Russ.)
- Shcherbina V.V. (2015) Population-breeding model of organizational development: content, scope and prospects of application (Article 1). *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 6: 78–86. (In Russ.)
- Urry J. (2003) *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press.

Received: 30.08.23. Final version: 22.10.23. Accepted: 24.10.23.